

30. ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ДЕДОВ

30 октября 1988 года в Минске милицией и войсками был подавлен народный обряд поминания предков, называемый "Дзяды". Правда о жестоком акте государства была скрыта конкретными лицами. В октябре 1998-го, когда исполнилось десять лет после трагедии, я ждал в газетах воспоминаний, комментариев. Не появились. Наступило общественное равнодушие. Забывчивая нация обходится и без древней, и без новейшей истории, жалуя безразличием и героя, и подлеца.

"Рассмотрено заявление председателя Минского городского отделения Советского фонда культуры и председателя объединения молодых литераторов Союза писателей БССР "Тутэйшыя" о разрешении на проведение 30 октября 1988 года митинга-реквиема, посвященного памяти предков ("Дзяды").

В связи с отсутствием в городе традиций проведения дня памяти и изучением в настоящее время исполкомом горсовета общественного мнения по вопросу установления даты ежегодного дня памяти... решением Мингорисполкома в проведении 30 октября с.г. митинга-реквиема ("Дзяды") отказано."

В 13 часов вход на Восточное (в народе — Московское) кладбище перекрыли. Милиционеры стояли в несколько рядов. На Ленинском проспекте в боевой готовности выстроилась колонна техники: восемь водометных машин, кареты "скорой помощи", арестантские фургоны, милицейские "газики". Площадку перед кладбищем заполнил народ.

Из мегафона: "Товарищи! Митинг запрещен! Прошу разойтись по домам!" Говорил подполковник милиции. С ухмылочкой: "Если не разойдетесь — будут применены специальные меры".

Милиционеры, сбившись в серый камень, надвинулись на толпу, лица их побагровели от натуги. Я почувствовал, как меня стронуло с места, понесло. Вот-вот повалит, упаду, по мне прокатится камень. Я схватился за кого-то, а кто-то, чувствую, — за меня. "Руки в замок!" — крикнули в толпе. Схватил чей-то локоть, продел свою руку, почувствовал, как кто-то прижал мой локоть к себе. Движение прекратилось. Кричали женщины: "Милиционеры! Как вам не стыдно!" Кричали: "Солдатики! Вы же наши дети!" Кричали: "Сталинисты вернулись!"

Вижу: капитан милиции выхватил из кармана баллончик, повел им на уровне глаз людских. Послышалось шипение аэрозоли. Запахло газом. В глаза ударило неожиданно, резко. Я зажал их ладонями — и потерял замок.

Толпа разбежалась. Кричали: "Идем в Куропаты!"

До Куропат толпа не дошла, свернула с кольцевой автодороги в поле, где нынче микрорайон Уручье.

Толпа заняла склон холма, четко выделялась на фоне заснеженного поля. Падал первый снежок. На верху холма стоял Зенон Позняк, рядом с ним билось одинокое бело-красно-белое знамя. Позняк говорил: "Нам не позволили провести Дзяды у могил предков, прогнали оттуда. Мы проведем Дзяды в голом поле. Но это наша земля. Предки на нас не обидятся." Позняк тер глаза. Ему порция газа досталась персональная. Я видел, как его травили на перекрестке Ленинского проспекта и улицы Калиновского.

В три ряда холм окружили милиционеры. Позняк крикнул: "Не бойтесь! Они нам ничего не сделают. Садитесь на землю. Мы отмечаем Дзяды." Толпа села на землю: кто на колени, кто на корточки.

Я вижу: от кольцевой автодороги к нам бегут солдаты. Полы шинелей быт по сапогам. За солдатами бежит толстый полковник. Свинья в шинели, принявшая прямостояние. Два ряда пуговиц — как два ряда сосцов на брюхе. Свинья скомандовала в мегафон: "Окружить! Всех — в машину!"

Люди не выдержали, бросились кто куда. Солдаты хватали убегающих за руки, за шиворот, ставили подножки. На молодом снегу там и тут боролись бесцветная шинель и цветная куртка. Милиционер ребром ладони бил по шее бородатого парня. Солдаты вели девушку, поймав ее за длинный шарф, она кричала высоким голосом: "Не трогайте!" На черно-белой земле лежало сломанное древко от флага. Лежал потерянный кем-то ботинок.

31 октября 1988 года. *Собрание писателей*

Алесь Асташонок: "Вчера произошло побоище. Я видел, как женщины ложились под колеса, не пуская милицейские машины уезжать с арестованными. Я получил удар по спине, ночь не спал от боли. Сегодня мне выдали больничный лист."

Виктор Козько: "То, что произошло на Дзяды, напоминает то, что творили фашисты. Я видел, как кровожадные охотники стреляли в стаю аистов. Вчера по такому методу расправлялись с народом. В машины несли детей, отцов. Надо писать новую книгу "Ніколі не забудзем".

Кастусь Тарасов: "Я видел, как каблуками месили людей. Запрещение митинга было незаконным. Нужно обратиться в Политбюро ЦК КПСС с просьбой провести расследование."

Геннадий Пашков (секретарь писательской парторганизации): "Мы не имеем права принимать такое решение, пока в зале находятся беспартийные."

Василь Жданович: "В 1986 году в Минске избili молодежь. Власти не позволили провести обряд "Гуканне вясны". Мы тогда простили. Теперь они запретили "Дзяды". Какое же лицо у нашей власти?"

Из зала: "Сталинское!"

Александр Герасименко, первый секретарь Партизанского райкома КПБ: "Напоминаю, пока в зале находятся беспартийные, собрание не может обсуждать вопрос и принимать решение."

Партсекретарь Пашков предложил беспартийным писателям покинуть зал. С возмущенными возгласами они вышли. Повисла неловкая пауза. Оставшиеся чувствовали, что коллективно совершили мерзость. Но человеческие чувства подавила партийная дисциплина. Собрание приняло резолюцию: обратиться в Политбюро ЦК КПСС.

4 ноября 1988 года в Доме литератора собралось шестьдесят беспартийных писателей. В большой зал их не пустили. Собрание началось в фойе, стоя. После открыли зал. К Дому литератора подъехал милицейский "газик", застыл.

Евгений Будинас: "Вранье продолжается. Малофеев на областном совещании сообщил, что на партсобрание писателей ворвалась банда беспартийных, которая учинила в зале националистический дебош."

Валентин Тарас: "В Доме кино вчера был митинг. 20 выступивших дали однозначную оценку: на Дзяды объявлена война народу. Выступал председатель горисполкома Михасев. Оправдывал действия милиции. Клялся, что газы не применялись, что людей не били."

Карлос Шерман: "Я жил в капиталистической стране. Могу сравнить: это было устроено по-Пиночетовски. Однако Пиночет с кладбища людей не прогонял. Они доказали, что Минск — Вандея, что народный фронт — необходим. Я вступаю в Белорусский народный фронт."

Янка Брыль: "Нас выгнали с собрания за непартийность. Писателей клеймят в газетах, попрекают, что мы едим хлеб рабочих. Мне стыдно и горько жить в такой стране."

Анатолий Сидаревич: "Руководство республики со сталинскими замашками. Как стало известно, Таразевич уговорил партийное бюро союза писателей не давать телеграмму в Политбюро. Так что предлагаю направить в Москву нашу резолюцию."

Писатели решили: пожаловаться в Москву. Беспартийные, свободные личности, но как обожествляли Политбюро! Умные особи, но как глупели, сбиваясь в массу и подтверждая прозорливость Сталина, загнавшего их в стадо под названием "писательский союз"!

Закрытое собрание партийных писателей состоялось в тот же день, что и беспартийное, 4 ноября 1988 года. На собрание прибыли: Председатель Президиума ВС Георгий Таразевич, первый секретарь Минского обкома КПБ Анатолий Малофеев, первый секретарь Минского горкома КПБ Владимир Галко, первый секретарь Партизанского райкома КПБ Александр Герасименко, ответственный работник ЦК КПБ Анатолий Бутевич.

Геннадий Пашков (партвожак): "За четыре дня после предыдущего собрания партийное бюро заседало трижды. Присутствовал товарищ Таразевич. Он заверил, что к нашему мнению руководство республики отнесется внимательно, что писателям позволят высказаться в прессе. Бюро решило телеграмму собрания в Москву не направлять."

Кастусь Тарасов: "Бюро не имело права не выполнить решение собрания. Таким образом мы поддержим всеобщую ложь. По телевидению уже говорят, что на "Дзяды" милиция усмиряла экстремистов. Но там их не было, я своими глазами все видел."

Г.Таразевич: "Что произошло тридцатого числа? Какие нарушения? Не так все просто. Была большая толпа. Мне в МВД доложили, что спецсредства не применяли. Надо разобраться. Чтобы больше не допускать этого. Там листовки были, там в милицию плевали. Задача государства и писателей — войти в соприкосновение. Нормально жить. Нарастает конфликт властей и интеллигенции, нехороший конфликт. Ну, что поможет ваша телеграмма, если мы сами не разберемся?"

Артур Вольский: "Когда два года назад побили мальчиков и девочек, в ЦК обещали расследовать. Но расследования не провели. И сейчас так будет. Нельзя верить тем, кто не выпускает нас из сталинского лагеря."

Павел Мисько: "Сюда пришел товарищ Таразевич? Зачем? Чтобы выкрутить нам руки. Писателей не пускают на предприятия выступать. Боятся, что мы скажем правду."

В.Галко: "Может быть, митинг прошел бы хорошо, а может, плохо, людей подавили бы. Да, я перестраховщик. Но ради безопасности граждан. Экономические показатели ниже и ниже, продуктов не хватает. Почему? Работать надо, а не митинговать."

А.Малофеев: "Обстановка сложная. Есть экстремисты. Есть эмоции. На щит поднимается Пагоня, бело-красно-белый стяг. А зачем это? Разве это

главное в перестройке? У горисполкома были основания запретить митинг на "Дзяды". На нем были лозунги: "Менты — на мусор", "Советы — без коммунистов". На обстановку у нас действует Прибалтика, оттуда долетает национализм. Что, и нам так вопрос ставить: выходим из СССР? Время покажет, что в Прибалтике не все хорошо. Давайте определим конкретные подходы, и вместе будет работать на перестройку."

Алесь Стельмашонок: "Как можно с вами работать, если вы называете писателей бандой?"

А.Малофеев: "Не надо мне приписывать того, что мне не свойственно. Я в адрес писательской организации сказал тепло и сердечно, что думаю."

Василь Витка: "Не нужно было начинать прений. Ведь ясно, для чего нас повторно собрали. Уговорить! Мы правильно решили: только Политбюро защитит правду. Но мы гадко поступили с непартийными писателями."

Николай Матуковский: "Не стоит жестоко карать наше бюро. Пришел Таразевич, дал слово, что разберется на месте. Зачем телеграмма в Москву?"

Г.Таразевич: "Не накаляйте обстановку. Прошу вас от имени бюро ЦК КПБ: не давайте телеграмму! Если не разберемся — тогда шлите телеграмму в Москву. (Смех в зале.) Давайте по-человечески решим." (Смех в зале.)

Писатели подтвердили предыдущее решение. Избрали группу сочинителей-почтальонов, которая немедленно отправились на телеграф. ПИСАТЕЛИ ОТПРАВИЛИ ТЕЛЕГРАММУ В НИКУДА.

Собрание — продолжилось. Кто-то предложил специальной резолюцией поддержать создание Белорусского народного фронта. Слово взял первый секретарь Союза писателей **Нил Гилевич:**

"Мы не знакомы с платформой народного фронта. А что если там что-то такое?.. Надо подождать."

Г.Таразевич: "Не торопитесь с этим фронтом. Там националисты."

А.Бутевич: "Эмоции у вас часто преобладают над смыслом. Подумайте: зачем нужен народный фронт?"

ПАРТИЙНЫЕ ПИСАТЕЛИ БЕЛАРУСИ НЕ ПОДДЕРЖАЛИ СОЗДАНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА. То есть поддержали противоборствующую силу, которая в 1986-м прервала зазывание весны, в 1988-м отлучила от дедов, в 1996-м пролила кровь на Чернобыльском шляхе и провела незаконный референдум, 17 октября 1999 года подавила Марш Свободы. Писательское стадо покорилося сталинизму, который последующие одиннадцать лет толкал народ к нищете, к скотскому беспамятству. Новой книги "Ніколі не забудзем" не появилось.

Современные сведения о деятелях, которые одиннадцать лет назад выкрутили писателям руки и вставили мозги:

А.МАЛОФЕЕВ. Руководит Палатой представителей назначенного в 1996 году парламента.

А.БУТЕВИЧ. Посол в Румынии.

А.ГЕРАСИМЕНКО. Посол в Болгарии.

Г.ПАШКОВ. Руководит издательством "Белорусская энциклопедия".

В.ГАЛКО. Руководит в каком-то министерстве.

Г.ТАРАЗЕВИЧ. Был послом в Польше. Но почему-то разжаловали. После чего сделался почти оппозиционером. Я видел его на заседании Минского горсовета, куда вызвали милицейских начальников спросить: почему милиция незаконно задерживает, безжалостно бьет участников митингов, в том числе депутатов? Таразевич, депутат горсовета, сыпал вопросами. Запомнилось, как отвечал один подполковник, далеко не дурак-мент, а умственно верткий экземпляр. Его спрашивают: "Почему нельзя кричать "Жыве Беларусь"? Не дурак-мент отвечает: "Я приветствую всякую жизнь — и насекомого, и человека, и государства. Кричите!"

1999